

Наступательная операция 7-го корпуса Великой армии и австрийского вспомогательного корпуса на Волыни в стратегических планах французского командования (август – сентябрь 1812 г.)

Прибегнув к помощи исторической метафоры, можно сказать, что война 1812 года лишь слегка опалила своим горячим дыханием земли, которые сегодня входят в состав Украины. Однако, несмотря на довольно ограниченный во времени и в пространстве характер, военная операция, осуществленная на территории западных уездов Волынской губернии 7-м корпусом Великой армии и австрийским вспомогательным корпусом, вызвала заметный интерес со стороны историков, которые основательно изучили участие в военных действиях русских¹, польских² и австрийских³ сил. Одним из наименее изученных аспектов истории военной операции на Волыни до сих пор остается деятельность верховного командования противоборствующих сторон. Пребывая вдалеке от Волыни, генеральные штабы существенно влияли на события на местном театре военных действий. В этом исследовании отслеживается взаимосвязь действий 7-го корпуса Великой армии и австрийского вспомогательного корпуса со стратегическими расчетами высшего французского руководства. Главной источниковой базой исследования стали документы из Архива Министерства иностранных дел, Национального архива, Архива Исторической службы сухопутной армии Франции, Военного архива Австрии.

* * * * *

В середине июля 1812 г., когда Великая армия продвигалась в глубь России, из юго-западного пограничья империи Александра I по тылам войск Наполеона был нанесен неожиданный удар. Воспользовавшись численным

превосходством над гарнизонами, которые охраняли границы Варшавского герцогства, мобильные колонны резервной обсервационной армии 16 июля перешли Западный Буг и через несколько дней достигли на севере Тереспоя, а на юге – окрестностей Замостья⁴. Разгромив 26 июля в сражении под Кобрином 5-тысячный отряд под командованием саксонского генерала Кленгеля, русские войска отбили у неприятеля Брест и создали серьезную угрозу коммуникациям Великой армии⁵.

Такой поворот событий стал полной неожиданностью для французского командования. Даже по прошествии недели с начала контрнаступления русских Наполеон не подозревал о нем и писал в Вильно своему министру иностранных дел Ю.-Б. Маре, что считает более чем достаточными те силы, которые он оставил с целью защиты Варшавы. Одновременно император предполагал неминуемым отступление из Волыни русских сил, которым, как он считал, не оставалось иного выхода, чем повторить ретроградное движение 2-й Западной армии П.И. Багратиона. Через два дня Маре, действуя по поручению императора, написал генералу Ш.-Л. Рейнье, который командовал 7-м (саксонским) корпусом, предназначенным для прикрытия Варшавы, что тот может воспользоваться этой ситуацией, чтобы осуществить «красивую операцию» на Волыни, на территории которой будто бы должны остаться лишь немногочисленные и плохо обученные войска под командованием генерала А.П. Тормасова⁶. 22 июля соответствующий приказ генералу Рейнье был направлен также из французского Генерального штаба⁷.

Известие о поражении саксонцев под Кобрином, полученное Наполеоном лишь 2 августа, заставило французского полководца задуматься о способах исправления ситуации. В тот же день он принял решение существенно усилить войска, которые противостояли русской армии в районе Побужья, направив на помощь саксонцам Ш.-Л. Рейнье (численностью в 14,7 тыс. человек) австрийский обсервационный корпус под

командованием К. Шварценберга (29 тыс. человек). Наполеон приказал этому австрийскому военачальнику «выступить против Тормасова и Каменского и дать им бой»⁸. Усиленная таким образом правифланговая группировка Великой армии составляла довольно внушительную военную силу числом более 42 тыс. человек⁹.

12 августа саксонцы нанесли поражение русским под Подубней¹⁰, а 13 августа точным артиллерийским ударом по бивуаку противника в с. Городечна австрийцы «обильно усеяли трупами русских солдат» окрестности этого населенного пункта. По словам полковника Зиндена, «количество убитых, которых я нашел в следующий день на высоте вблизи упомянутого села, засвидетельствовало, что наш огонь имел наиполнейший успех»¹¹. Развивая этот тактический успех, в середине августа войска Рейнье и Шварценберга, имея численное преимущество в 10 тыс. человек над противником, вступили на западные окраины Волыни. 19 августа К. Шварценберг занял Рудню¹², а 21 и 25 августа Рейнье – соответственно Шацк и Любомль¹³. 28 августа саксонцы Ш.-Л. Рейнье вышли к р. Стырь под Ковелем и Туровом¹⁴. 29 августа К. Шварценберг подытожил результаты трехнедельного наступления в своей реляции министру иностранных дел Австрии. Сообщая содержание этого письма французскому послу в Вене, К. В. Меттерних отмечал, что «с момента баталии 12-го [августа], ведя ежедневные и постоянные бои, русским были нанесены потери, численность которых оценивается [К. Шварценбергом. – В.А.] в более чем двенадцать тысяч человек»¹⁵.

Сообщение об успешном наступлении на Волыни французский император получил в Смоленске. 24 августа, накануне своего отъезда к Москве, Наполеон поставил перед саксонцами и австрийцами следующую задачу, которая состояла в том, чтобы активнее преследовать войска противника на Волыни. Согласно предположению французского полководца, эти войска должны были поспешить на соединение с главными силами

русской армии: «Вы должны не допустить, чтобы Тормасов и войска, которые противник может иметь на Волыни, прибыли против нас»¹⁶.

Однако уже в момент составления вышеупомянутого приказа его исполнение являлось более чем сомнительным предприятием. Еще в рапорте от 20 августа К. Шварценберг сообщал, что «болотистые дороги весьма затрудняют преследование вражеской армии, поэтому он попытается проникнуть на Волынь, обходя болота». «Я должен отметить, – подчеркивал командующий австрийского вспомогательного корпуса, – что потери в отрядах, предназначенных для прикрытия моего левого крыла на протяжении от Любачева до Клецка, составили тысяча пятьсот убитыми и столько же больными и ранеными»¹⁷. Общее количество боеспособных сил он определил не более чем в 30 тыс. человек. В то же время К. Шварценберг считал, что благодаря пополнению рекрутами и ощутимому преимуществу в артиллерии корпус Тормасова лишь незначительно уступал объединенным силам австрийцев и саксонцев. Единственным средством продолжить наступление он считал немедленное получение подкреплений: «Я написал генералу Косинскому, чтобы убедить его собрать по возможности больше войск в Варшавском герцогстве и направиться через Холм к Дубенке, чтобы [оттуда] вступить на Волынь, согласовывая свои действия с нашими»¹⁸. Этот призыв стал сигналом для польского генерала А. Косинского, который, пребывая в Люблине, занимался формированием новой дивизии¹⁹. Ему удалось собрать 5,6 тыс. человек²⁰ (а совсем не 12 тыс., как неверно считал Б. Абалихин²¹). В ночь с 27 на 28 августа дивизия А. Косинского переправилась через Западный Буг и, несмотря на то что противник при своем отступлении уничтожил все мосты на пути от Устилуга до Луцка, 30 августа заняла Владимир-Волынский²². Выражая в это время свое удовлетворение участием польских войск в операции на Волыни, Ю.-Б. Маре считал, что действия дивизии А. Косинского не только помогут развить успех, на который рассчитывал Наполеон, но и позволят впредь уберечь пределы Варшавского

герцогства от угрозы со стороны русских сил²³.

И все же, несмотря на участие в наступательной операции польской дивизии, австрийский и саксонский корпуса, а также польская дивизия остановились на р. Стырь, которая стала линией раздела между двумя противоборствующими армиями. Штаб-квартира А. П. Торماسова находилась на правом берегу реки, в Луцке, штаб-квартира К. Шварценберга – на левом берегу, в Голобях. Из этого населенного пункта австрийский командующий писал генералу Рейнье, что «в этом месте Стырь слишком широкий, а на противоположном берегу обнаружено довольно значительное количество войск»²⁴. В депешах к Ю.-Б. Маре К. Шварценберг объяснял причины вынужденной остановки тем, что не может осуществить переправу через реку, имеющую от семисот до полутора тысяч шагов в ширину, из-за отсутствия понтонов, заболоченного характера местности на левом фланге и сооружения русскими войсками усиленных пушками укреплений на правом фланге²⁵. Тем не менее К. Шварценберг был склонен считать, что уничтожение мостов через Стырь, сделавшее невозможным продвижение его корпуса вперед, было полезным фактором, поскольку войска противника тоже лишились возможности переправиться назад. С каждым днем такие попытки становились все более настойчивыми: командующий австрийским корпусом сообщал, что русские солдаты «спускают на воду управляемые паромщиками плоты, с помощью которых можно переправляться, а казаки переплывают реку в лодках, держа за уздечку по-татарски своих коней, плывущих рядом»²⁶.

Фактический переход австрийцев и саксонцев от наступательной к оборонной тактике спровоцировал многочисленные критические отзывы со стороны польских военных. А. Косинский, считая возможным осуществление переправы через Стырь в районе Берестечка, обращался с соответствующими рапортами к своему непосредственному начальнику Ш.-Л. Рейнье²⁷. Минский генерал-губернатор М. Брониковский, обращаясь к

самому Ю.-Б. Маре, писал, что «не может понять, почему князь Шварценберг настолько долго пребывает под Луцком». «Вот уже более пятнадцати дней, – подчеркивал этот польский генерал, – он остается на том же рубеже, в то время как, согласно сообщению посланного мной шпиона, Тормасов, с того момента, когда он получил сообщение о том, что маршал герцог Беллуно [К. Виктор. – В. А.] пребывает в Минске, перепуган и намерен отступить к Киеву, чтобы прикрыть этот город. [Русский генерал] Эртель придерживается мнения, что французы движутся против него, чтобы захватить Киев, и что маршал Виктор сможет прибыть сюда быстрее, чем Тормасов»²⁸.

Если абстрагироваться от эмоций, характерных для вышеупомянутых рассуждений деятелей польского патриотического движения, следует объективно признать, что избранная К. Шварценбергом тактика действий в общих чертах соответствовала содержанию приказов, которые тот получал на протяжении сентября от Наполеона и Ю.-Б. Маре. 8 сентября государственный секретарь проинструктировал командующего австрийского вспомогательного корпуса следующим образом: «Его Величество приказал мне Вам написать (в письме от 3 сентября из Гжати. – В.А.), чтоб Вы пристально следили за тем, чтобы Тормасов не направился к Москве либо через Киев, либо каким-то другим путем, и в случае, если он это сделает, Вы должны по возможности быстрее его преследовать»²⁹. В тот же день Ю.-Б. Маре сообщил Ш.-Л. Рейнье, что, согласно мнению императора, «войска из Молдавии и, возможно, даже войска Тормасова попробуют осуществить нападение на коммуникации [Великой] армии, или же изберут путь, ведущий к Днепру (это предположение Наполеон считал наиболее вероятным. – В.А.), или же направятся к Москве». Министр писал, что «Его Величество надеется, что в любом случае князь Шварценберг и 7-й корпус стремительно будут преследовать врага»³⁰. После Бородинской битвы французский император, пребывая в неверном убеждении, что «все то [вражеское войско. – В. А.],

которое пребывает в Мозыре и Киеве, направляется к Москве», считал вероятным, что «Тормасов поспешит сделать ретроградное движение в том же самом направлении, если только он его уже не сделал». При этом Наполеон считал возможным, что Тормасов попытается ввести в заблуждение К. Шварценберга, прикрыв свое отступление расположенной на берегу какой-то реки или болота кавалерией, чтобы таким образом выиграть у преследователей несколько дневных переходов. Поэтому французский император призывал **австрийского полководца** «быть внимательным по отношению к маневрам противника, не упуская ни одного средства, чтобы своевременно узнавать об истинных продвижениях последнего, стремительно преследуя его для того, чтобы, когда противник нападет на Великую армию, Вы напали на него»³¹. Этот взгляд своего императора Ю.-Б. Маре разъяснил французскому послу в Вене в письме от 20 сентября. «Весьма вероятно, – писал министр иностранных дел, – что после битвы 7-го [Бородинской битвы. – В.А.] и захвата Москвы, русский главнокомандующий не оставит в обособленном положении целый военный корпус, настолько далеко отдаленный от своего левого крыла». Таким образом, Наполеон считал, что «Россия, которую атакуют прямо в сердце, не может более придавать сколь-либо важное значение своим окраинам», и поэтому «она должна вобрать в свое сердце все необходимые для поддержания ее существования средства». В этом случае князь Шварценберг получил приказ активно преследовать генерала Тормасова и прибыть одновременно с ним к местопребыванию Великой армии³². Оценивая возможность осуществления армией Тормасова контрнаступательной операции, французское руководство считало ее маловероятной. Ю.-Б. Маре писал, что «ничего не свидетельствует в пользу того, что это может случиться». «Согласно всем донесениям, которые мне присылают, – отмечал министр, – [русские] войска, находящиеся на Волыни, равно как те силы, которые могли бы прийти на помощь Тормасову, направляются к Днепру и, возможно, что даже дивизии,

следующие с Дуная, изберут то же направление движения»³³.

Взяв во внимание содержание вышеупомянутых инструкций, К. Шварценберг мог прийти только к одному выводу. В одной из своих депеш к Ю.-Б. Маре он писал, что «главная задача наших продвижений и маневров состоит в том, чтобы воспрепятствовать врагу отсылать войска к главной армии, защитить пути сообщения и территорию [Варшавского] герцогства». При этом он отмечал, что «позиция, которую мы занимаем в данный момент, полностью позволяет достичь этой цели»³⁴. Следуя букве инструкций французского императора, К. Шварценберг должен был неотступно преследовать армию А. П. Тормасова, если необходимо до Днепра или даже до Москвы, но вовсе не атаковать русские силы и подвергать свой корпус риску поражения в открытом сражении. «Я должен оставаться тем более рассудительным и не рисковать, – писал князь Ю.-Б. Маре, – чтобы в случае поражения противник не стал абсолютным хозяином ситуации»³⁵. В письме к начальнику французского Генерального штаба маршалу Л.-А. Бертье К. Шварценберг отмечал, что «если эти войска [Дунайской армии. – *В.А.*] в действительности присоединятся к Тормасову и направятся против нас таким образом, что слишком значительное численное преимущество противника заставит меня отказаться от достигнутого преимущества, моей главной целью будет защита [Варшавского] герцогства». Он считал, что в этом случае «было бы желательным, чтобы корпус герцога Беллуно смог направиться к Бресту, что создало бы предпосылки для возобновления нашего наступления или же нападения на фланг противника». Тем не менее, по мнению К. Шварценберга, судьба военных операций в юго-западном пограничье России решалась не на Волыни, а на берегах Днепра. Наиболее оптимальным вариантом действий австрийский полководец считал «отправку вниз по Днепру военного корпуса, который бы направился к Киеву, являющемуся главным средоточием всех военных ресурсов, которые эвакуировались русскими с Волыни»³⁶.

Следует отметить, что немаловажное влияние на пассивное поведение австрийского и саксонского командования имела распространяемая французским Генеральным штабом информация о вероятном наступлении из Минска на Киев резервного корпуса под командованием генерала В.-Н. Латур-Мобура, достоверных известий о продвижении которого К. Шварценберг с нетерпением ждал до момента контрнаступления русских войск на Волыни³⁷. 20 сентября Ю.-Б. Маре даже сообщил Ш.-Л. Рейнье о том, что соответственно приказу пребывающего в Минске маршала К. Виктора польская дивизия генерала Х. Домбровского направилась из-под крепости Бобруйск в направлении Киева и, наверное, заставит отступить противостоящий ей корпус генерала Ф.Ф. Эртеля. Министр уверял, что с помощью этого маневра, а также дальнейших наступательных операций французского императора против главных русских сил можно было ожидать скорого отступления армии Тормасова в глубь территории России³⁸. Реагируя на это и подобные ему сообщения, К. Шварценберг имел основания предполагать, что пока герцог де Беллуно остается в окрестностях Минска, он всегда сможет серьезными демонстрациями помешать этой армии [Тормасова. – В.А.] продвинуться слишком далеко вперед»³⁹.

Тем не менее наступление польской дивизии на Киев не могло увенчаться успехом, поскольку под Овручем были сосредоточены почти вдвое превосходящие русские силы. Уже в середине сентября Наполеон отозвал Х. Домбровского под Бобруйск. Что же касается 9-го корпуса под командованием К. Виктора, то, как показывает изученный нами «Журнал операций» этого корпуса, который вел начальник его штаба генерал Делетр, его продвижение по территории Литвы, осуществляемое с 1 по 28 сентября, с самого начала имело конечным пунктом назначения Смоленск. По словам составителя операционного журнала, «этот рейд был хорошо продуман и чтобы противник не смог воспрепятствовать продвижению корпуса, наши маневры были утаены от его внимания»⁴⁰. Итак, понятно, что, генерируя

слухи относительно намерения отправить корпус маршала К. Виктора на Киев, французское командование совсем не собиралось оказывать действительную помощь К. Шварценбергу в противостоянии с А.П. Тормасовым, а лишь имело целью дезинформировать противника. Этот вывод подтверждает письмо, которое 7 октября отправил из Москвы в Вязьму генералу Бараге д'Ильеру маршал Л.-А. Бертье. В этом послании начальник Генерального штаба подчеркивал, что после прибытия корпуса К. Виктора под Смоленск, «император не указал герцогу Беллуно дальнейшего направления продвижения, ибо этот выбор зависит от вражеских маневров; русская армия из Молдавии, насчитывающая около 20 000 человек, осуществила в первых числах октября переправу через Днестр; она может направляться либо к Москве, чтобы пополнить армию Кутузова, и тогда герцог Беллуно получит приказ присоединиться к Великой армии; либо же упомянутая армия направится на Волынь, чтобы помочь армии Тормасова, которую преследует князь Шварценберг с австрийским корпусом, находящимся в составе 7-го армейского корпуса»⁴¹.

За счет каких сил рассчитывал в таком случае пополнить действовавшие на волыньском направлении войска Наполеон? С самого начала наступления на Волыни главный расчет французского командования основывался на союзных отношениях с Австрией. Вероятно, что именно из-за этого расчета французский император, наблюдая в Литве за медленным формированием полков из местного населения, имел все основания не доверять обещаниям польских деятелей о возможности набора тысяч рекрутов на Волыни и решил использовать для операций в юго-западном пограничье России не польский, а австрийский корпус. Наполеон надеялся, что корпус К. Шварценберга, действуя вблизи Галиции, будет иметь надежно обеспеченный австрийской границей правый фланг и сможет быстро и беспрепятственно получать подкрепления от расположенного в этой провинции резервного корпуса под командованием Г. Ройса⁴². Французский

император в произвольной форме интерпретировал в собственную пользу условия союзного договора от 14 марта 1812 г., считая, что имеет право требовать от своего тестя, австрийского императора, все новых и новых доказательств преданности союзу с Францией. Как само собой разумеющееся, Наполеон настоятельно требовал от Франца I постоянного восполнения потерь корпуса К. Шварценберга до определенного в союзном договоре количества в 30 тыс. человек⁴³. Эти требования периодически повторялись в письмах Наполеона к австрийскому императору от 24 августа, 9 сентября и 6 октября. Но даже Наполеону было далеко в его настойчивости до командующего австрийского вспомогательного корпуса, который, по свидетельству французского резидента в Галиции Ж.-В. д'Обернона, «прислал сюда более десяти курьеров с требованием о подкреплении». 11 сентября австрийские власти наконец сообщили Ж.-В. д'Обернону, что «три или несколько дней тому князю Шварценбергу было послано пять тысяч человек и что сегодня будет отправлено еще две тысячи»⁴⁴. 1 октября император Франц лично проинформировал Наполеона о своем приказе направить под командование К. Шварценберга один кавалерийский и два пехотных полка общей численностью в 7 тыс. человек, которые должны были компенсировать потери австрийского наблюдательного корпуса. Тесть также пообещал рассмотреть просьбу своего зятя об использовании против русских войск австрийского резервного корпуса, однако при этом настаивал, чтобы Г. Ройс вел боевые действия не отдельно, а лишь в составе наблюдательного корпуса, и в любом случае не с территории Галиции⁴⁵.

На протяжении сентября – октября французские дипломаты, действующие во Львове и Вене, настойчиво пытались склонить австрийское правительство к принятию решения о размещении резервного корпуса Ройса в приграничном районе между Кристинополем и Бродами, чтобы этим маневром заставить русское командование считать, что упомянутый корпус готовится нанести удар в тыл армии Торماسова. 5 сентября с предложением

такого характера обратился к губернатору Галиции П. Гессу Ж.-В. д'Обернон⁴⁶. Но ответ Гесса на это предложение был уклончивым, и французскому резиденту не оставалось ничего другого, как признать, что австрийские государственные деятели, несмотря на декларированное ими сочувствие к союзной Франции, боялись спровоцировать войну с Россией⁴⁷. Правда, австрийские войска начали перемещение к Золочеву, что имело следствием распространение слухов о будто бы запланированном их вступлении в Тернопольский округ, однако уже в конце сентября Ж.-В. д'Обернон сообщил, что это продвижение было приостановлено по приказу из Вены⁴⁸. Через несколько дней К.В. Меттерних встретился с французским послом в Вене и разъяснил ему позицию своего императора. Франц I считал нарушение австрийскими войсками границы России с территории Галиции по крайней мере преждевременным, потому что в таком случае «эта провинция стала бы театром военных действий, которых венский двор хотел бы избежать». В вопросе об усилении корпуса К. Шварценберга австрийский император был более сговорчивым и не исключил возможности присоединения к нему корпуса, расквартированного в Трансильвании, и даже убеждал, что послал соответствующий приказ командующему этого корпуса. Нам кажется, что Франц I, действуя согласно политическому кредо своего министра иностранных дел – *Vivre et attendre* (Жить и ждать), – лишь надеялся выиграть время и дожидаться полной победы одной из воюющих сторон. Именно поэтому император Австрии подчеркивал, что будет дожидаться ответа Наполеона на свое предложение усилить корпус К. Шварценберга еще одним корпусом Великой армии. «Желательно, – поучал французского посла от имени своего монарха австрийский министр, – чтобы Его Величество [Наполеон. – В.А.] послал значительные силы в направлении Киева, которые бы заставили Торماسова отступить, если только он не захочет оказаться между двумя огнями». К.В. Меттерних считал, что «такая операция, если бы она оказалась возможной, освободила бы от войск

противника Волынь и Подолье»⁴⁹.

Тем временем ситуация на юго-западном театре военных действий существенно изменилась. Объединившись 20 сентября на правом берегу р. Стырь, русский резервный обсервационный корпус и Дунайская армия насчитывали, по свидетельству генерала А.Ф. Ланжерона, «шестьдесят тысяч старых и опытных воинов», которым, очевидно, не могли противостоять сорок тысяч австрийцев, саксонцев и поляков⁵⁰. 7-й корпус был вынужден оставить Волынь. Хотя в письме к Ю.-Б. Маре от 23 сентября К. Шварценберг убеждал, что вверенный ему корпус совершал лишь маневр с целью поиска более выгодной позиции для сохранения сил⁵¹, это отступление более походило на бегство. После того как 21 сентября австрийская, саксонская и польская кавалерии под командованием генерала Т.Й. Цехмейстера вступили под Торчином в соприкосновение с казаками и потеряли около 400 человек убитыми и ранеными⁵², корпус К. Шварценберга предпочитал отступать, избегая столкновений. Эвакуация австрийцев, саксонцев и поляков с правого на левый берег Западного Буга завершилась 30 сентября⁵³.

Получив тревожную информацию об активизации военных действий на Волыни, французское руководство, имея намерение остановить продвижение русских войск, предприняло еще одну попытку получить подкрепление от австрийцев. По поручению Ю.-Б. Маре Ж.-В. д'Обернон обратился к Г. Ройсу с просьбой прийти на помощь корпусу К. Шварценберга. Французский дипломат попытался убедить австрийского военачальника, что «общей цели и полезных результатов можно достичь объединением сил или неожиданной атакой через Броды за линией реки Стырь»⁵⁴. Ответ Ройса получился уклончивым: он указал на малочисленность австрийского резервного корпуса и посоветовал просить подкрепления у венского двора. Более того, Ройс считал, что французское командование имело в своем распоряжении достаточно сил, чтобы самому

оказать помощь 7-му корпусу. На это Ж.-В. д'Обернон возразил, что император, находясь в Москве, из-за своего отдаления от Волыни не в состоянии оперативно вмешиваться в события на местном театре военных действий.

Аналогичные демарши французских дипломатов в Вене также не возымели ожидаемого Наполеоном действия. Более того, К.В. Меттерних даже позволил себе дерзость прокомментировать стратегические ошибки, допущенные, на его взгляд, французским императором в ходе войны против России. «Хотелось бы отметить, – сказал он французскому послу, – что два крыла армии противника являются более сильными, чем наши, и что русская армия, сосредоточенная на юге, имеет в своем распоряжении более богатые и населенные провинции, чем наши». Наиболее действенным средством исправления этой неблагоприятной для союзников ситуации австрийский министр считал усиление «корпуса князя Шварценберга корпусом французской армии»⁵⁵.

Франко-австрийские переговоры, которые имели место осенью 1812 г., показали нежизнеспособность концепции ведения войны в юго-западном пограничье России силами союзной Австрии. Таким образом, военная операция на Волыни стала «заложницей» тех ошибочных стратегических концепций, которых придерживались Наполеон и его окружение. Подобно тому, как представления и планы французского руководства относительно России редко соответствовали действительному положению вещей, так и предпринимаемые согласно его распоряжениям военные действия на Волыни ни своими задачами, ни своим размахом не были в состоянии предотвратить угрозу тылам и правому крылу Великой армии. В результате этот стратегический просчет стал одной из важнейших причин поражения Наполеона. Вероятно, французский император смог сполна понять стратегическое значение недооцененного им в ходе кампании 1812 г. южного направления военных действий только под впечатлением переправы через

Березину, во время которой 3-я Западная армия, сформировавшись, получив боевое крещение и имея относительно надежные тылы на Волыни, едва не уничтожила те силы Великой армии, которым удалось одолеть обратный путь из Москвы до западного рубежа Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Абалихин Б.С.* Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России. Волгоград, 1987; *Бессмертный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962.
- 2 *Kukiel M.* Dzieje wojska polskiego w dobie napoleońskiej 1795–1815. Warszawa, 1920. Т. 2: 1812–1815; *EjUSD.* Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. Т. 2; *Willaume J.* Amilkar Kosiński, 1769–1823. Poznań, 1930; *EjUSD.* Generał Józef Wielhorski (1759–1817). Poznań, 1925.
- 3 *Gebler W. E., von.* Das K. K. Oesterreichische Auxiliärkorps in Russischen Feldzuge 1812. Wien, 1863.
- 4 Archives du Ministère des affaires étrangères (далее – АМАЕ). Sér. «Correspondance politique» (далее – СР), sous-sér. «Pologne». Vol. 331. F. 119 [Bulletin particulier de l'archevêque de Malines, le 26 juillet 1812].
- 5 *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 30–31.
- 6 Archives Nationales (далее – АН). Sér. «AF IV». Cart. 1648. F. 268 [Lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. E. M. le général le comte de Reynier, le 24 juillet 1812].
- 7 Campagne de Russie (1812) / Publication par G. Fabry. P., 1900. Т. 2. P. 73 [Napoléon à Berthier, le 22 juillet 1812].
- 8 Service historique de l'armée de la terre (далее – SHAT). Archives militaires (далее – АМ). Sér. «C 2». Cart. 129. Cahier du 2 août 1812 [Copie d'une lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le prince de Schwarzenberg].
- 9 *Chambray G.* Napoleon's Feldzug in Russland 1812. Berlin, 1824. Bd. 1. S. 92.
- 10 АМАЕ. СР. Pologne. Vol. 331. F. 404 [Extrait du bulletin des séances au conseil des ministres du Duché, séance du 17 août 1812].
- 11 Österreichische Staatsarchiv (далее – ÖS). Kriegsarchiv (далее – КА). AFA 1812. F. A., Cart. 1513. F. 125 [Relation du colonel baron Sinden à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 15 août 1812].
- 12 АМАЕ. СР. Pologne. Vol. 331. F. 459 [Lettre de S. E. Mr. l'archevêque de Malines à S. A. M. le duc de Bassano, le 22 août 1812].
- 13 SHAT. АМ. Sér. «C 2». Cart. 675 [Journal des marches et opérations du général Reynier, commandant du 7e corps de la grande Armée (saxons)].
- 14 АМАЕ. СР. Pologne. Vol. 331. F. 544 [Lettre de S. E. Mr. l'archevêque de Malines à S. A. M. le duc de Bassano, le 2 septembre 1812].
- 15 Ibid. Sous-sér. «Autriche». Vol. 393. F. 178 [Lettre de S. E. M. le comte de Metternich à

- S. E. M. le comte de Otto, le 3 septembre 1812].
- 16 ÖS, KA, AFA 1812, F. A. Kart. 1514. F. 337 b [Lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 24 août 1812]; SHAT. AM. C 2. Cart. 129. Cahier du 24 août 1812 [Copie d'une lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le général le comte de Reynier].
 - 17 ÖS. KA. AFA 1812. F. A. Kart. 1513. F. 350 [Copies des dernières lettres du prince de Schwarzenberg à S. A. Sa Majesté le prince de Neuchâtel, le 20 août 1812].
 - 18 Ibid.
 - 19 *Willlaume J.* Amilkar Kosiński, 1769–1823. S. 43–45; *EjUSD.* Generał Józef Wielhorski (1759–1817). S. 56–58.
 - 20 SHAT. AM. C 2. Cart. 528. Cahier de la division polonaise Kossinski 1812.
 - 21 *Абалихин Б.С.* Указ. соч. С. 36; *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990. С. 205.
 - 22 AMAE. CP. Pologne. Vol. 331. F. 547 [Extrait du rapport du général Kossinski daté de Wlodzimierz le 31 août 1812]; *Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича под редакцией К. Военского.* Т. 1 // *Сборник Русского императорского исторического общества.* СПб., 1909. Т. 128. С. 302–303.
 - 23 AMAE. CP. Pologne. Vol. 331. F. 521 [Lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. E. Mr. l'archevêque de Malines, le 29 août 1812].
 - 24 SHAT. AM. C 2. Cart. 129. Cahier du 7 septembre 1812 [Lettre de S. A. M. le prince de Schwarzenberg à S. E. M. le général le comte de Reynier].
 - 25 AN. AF IV. Cart. 1649/7. F. 793 [Lettre de S. A. M. le prince de Schwarzenberg à S. A. M. le duc de Bassano, le 9 septembre 1812]; F. 820 [Position respective des armées en Volhynie le 11 septembre 1812].
 - 26 Ibid.
 - 27 SHAT. AM. C 2. Cart. 129. Cahier du 20 septembre 1812 [Lettre de S. E. M. le général Kossinski à S. E. M. le général le comte de Reynier]).
 - 28 AN. AF IV. Cart. 1649/6. F. 634–635 [Lettre de S. E. M. le général Bronikowski à S. A. M. le duc de Bassano, le 24 septembre 1812].
 - 29 [29] ÖS. KA. AFA 1812. F. A. Kart. 1513. F. 338 f [Lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 8 septembre 1812].
 - 30 SHAT. AM. C 2. Cart. 130. Cahier du 8 septembre 1812 [Copie d'une lettre de S. A. M.

- le prince de Bassano à S. E. M. le général le comte de Reynier].
- 31 ÖS. KA. AFA 1812. F. A. Kart. 1514. F. 340 [Lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 10 septembre 1812]; SHAT. AM. C 2. Cart. 130. Cahier du 10 septembre 1812 [Copie d'une lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le prince de Schwarzenberg]. Опубликовано в изд.: Correspondance de Napoléon Ier. T. 24. Doc. № 19186. P. 243.
 - 32 АМАЕ. СР. Autriche. Vol. 391. F. 273 [Lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. E. M. le comte de Otto, le 20 septembre 1812].
 - 33 ÖS. KA. AFA 1812. F. A. Kart. 1514. F. 338 a [Lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 5 septembre 1812].
 - 34 AN. AF IV. Cart. 1649/7. F. 821 [[Position respective des armées en Volhynie le 11 septembre 1812].
 - 35 Ibid. F. 842 [Lettre de S. A. M. le prince de Schwarzenberg à S. A. M. le duc de Bassano, le 23 septembre 1812].
 - 36 ÖS. KA. AFA 1812. F. A. Kart. 1513. F. 350 b [Copie de la lettre de S. A. M. le prince de Schwarzenberg à S. A. M. le prince de Neuchâtel, le 29 août 1812].
 - 37 Ibid. F. 337 b [Rapport de M. le général Kossinski à S. E. M. le général en chef le comte de Reynier, le 27 août 1812]; SHAT. AM. Cart. 129. Cahier du 15 septembre 1812 [Lettre du général de Gersdorff de Dresde à S. E. M. le général Reynier].
 - 38 Ibid. Cahier du 20 septembre 1812 [Lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. E. M. le général Reynier]).
 - 39 AN. AF IV. Cart. 1649/7. F. 842 [Lettre de S. A. M. le prince de Schwarzenberg à S. A. M. le duc de Bassano, le 23 septembre 1812].
 - 40 SHAT. AM. MR, M 1. Cart. 673 [Notes sur les opérations du 9e corps de la Grande Armée, aux ordres du maréchal duc de Bellune, depuis le commencement d'août jusqu'au 28 novembre 1812, par le général De Laitre].
 - 41 Ibid. C 2. Cart. 131. Cahier du 7 octobre [Lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. E. M. le général comte Baraguey d'Hilliers].
 - 42 В начале войны 1812 г. в Галиции были сосредоточены 35 тыс. австрийских солдат под командованием фельдмаршала Ф.К. Гогенцоллерна, а на Буковине – еще 10 тыс. Считая эти силы недостаточными для защиты восточных границ своего государства, австрийский император приказал сформировать в Галиции еще один, так называемый резервный корпус. Части этого корпуса, насчитывающего почти 20 тыс. человек, были расквартированы в июне – июле 1812 г. в населенных

- пунктах Самбор, Городок, Львов, Мурованое (ÖS. KA. AFA 1812. F. A. Kart. 1520. Fasc. 7 [July 1812]).
- 43 Correspondance de Napoléon Ier. T. 24. Doc. № 19128, 19183, 19258. P. 199, 241, 293; AMAE. CP. Autriche. Vol. 393 [Copie de la lettre de Sa Majesté l'Empereur des Français à Sa Majesté l'Empereur de l'Autriche, le 9 septembre 1812].
 - 44 AMAE. CP. Pologne. Vol. 331. F. 622 [Rapport de M. d'Auberon à S. E. Mr. l'archevêque de Malines, le 8 septembre 1812].
 - 45 Ibid. CP. Autriche. Vol. 393. F. 248 [Lettre de Sa Majesté de l'Empereur de l'Autriche à Sa Majesté l'Empereur des Français, le 1er octobre 1812].
 - 46 Ibid. CP. Pologne. Vol. 331. F. 590 [Rapport de M. d'Auberon à S. E. Mr. l'archevêque de Malines, le 5 septembre 1812].
 - 47 [47] Ibid. F. 676 [Rapport de M. d'Auberon à S. E. Mr. l'archevêque de Malines, le 18 septembre 1812].
 - 48 Ibid. F. 728 [rapport de M. d'Auberon à S. E. Mr. l'archevêque de Malines, le 26 septembre 1812].
 - 49 Ibid. CP. Autriche. Vol. 393. F. 214–215 [Lettre de S. E. M. le comte de Otto à S. A. M. le duc de Bassano, le 21 septembre 1812].
 - 50 AMAE. MDD. Russie. Vol. 25. F. 9–10.
 - 51 Ibid. CP. Pologne. Vol. 331. F. 743 [Lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. E. M. l'archevêque de Malines, le 29 septembre 1812].
 - 52 ÖS. KA. AFA 1812. Kart. 1520; F. A. Kart. 1514. F. 348 [Rapport de S. E. M. le général comte Reynier à S. E. M. le prince de Schwarzenberg, le 21 septembre 1812]; AMAE. CP. Pologne. Vol. 331. F. 685 [Extrait du Rapport de M. le général Kossinski, daté à Pawlowicze le 21 septembre 1812].
 - 53 SHAT. AM. MR, M 1. Cart. 673 [Journal du 7e corps (saxons), général Reynier, 2e cahier]. F. 1.
 - 54 AMAE. CP. Pologne. Vol. 332, F. 202 [Rapport de M. D'Auberon, le 29 octobre 1812].
 - 55 Ibid. CP. Autriche. Vol. 393. F. 278 [Lettre de S. E. M. le comte de Otto à S. E. M. le duc de Bassano, le 21 septembre 1812].